

*Сергей
Саканский*

**Друг мой
сыщик**

ТАЙНА МАРИИ ЦЕЛЕСТЫ

**Классический
детектив**

Сергей Юрьевич Саканский

Тайна Марии Целесты

Серия «Друг мой сыщик», книга 6

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3298425

Аннотация

На многолюдном пляже произошло странное событие: к берегу подошла неуправляемая яхта. Похоже, что экипаж спешно покинул судно, спасаясь от чего-то ужасного: об этом говорит и отсутствие надувной шлюпки, и загадочная запись в бортовом журнале, и совсем уж немыслимое – кофейник, кипящий на плите... Журналист Жаров вспоминает трагедию знаменитой бригантини «Мария Целеста», тайна которой так и осталась неразгаданной, но вскоре на одной из городских квартир находят труп хозяина яхты и к делу подключается следователь Пилипенко. Он не верит в мистику и во всем видит только противоправные действия людей.

Сергей Саканский

Тайна Марии Целесты

Классический детектив

На обложке: памятник Шерлоку Холмсу в Лондоне работы Джона Даблдея. Жанровая картинка: некая яхта у берегов Большой Ялты.

Первого июня, просмотрев в инете свежие новости и не найдя ничего интересного, Жаров запер дверь редакции и отправился на море, полагая, что в день открытия сезона на пляже будет еще не так много народу. Утро было ярким, солнце играло на стеклах витрин, верхняя Ялта, мелькая в проемах улиц, таяла в темно-синей дымке. Жаров шел по набережной, шлепая вьетнамками.

Он всегда мог выкроить часок, чтобы искупаться, поскольку газета «Крымский криминальный курьер» была его собственностью, он являлся единственным ее сотрудником, никому не подчинялся и ни от кого не зависел. Впрочем, последнее спорно: есть и городская администрация, и Управление внутренних дел, и лично следователь Пилипенко – друг детства Виктора Жарова, его пожизненный инспектор. Все это, особенно Пилипенко, так или иначе влияло и на журналиста, и на политику его газеты.

Купался он обычно на ближайшем пляже, что принадлежал гостинице «Ореанда» и в народе назывался «Интурист». Простым смертным вход туда заказан, надо либо жить в гостинице, либо платить по особому тарифу. Жаров не был простым смертным: все в городе его знали и пускали практически куда угодно. Ялтинцы, вообще, считают дурным тоном ходить на море за деньги: у каждого есть на каком-нибудь пляже свой человек. Жаров уже было направился к проходной «Интуриста», издали пытаюсь разглядеть, кто сегодня дежурит, Митька или Петька, которые принимали его с одинаковым радушием, как его внимание привлек парус, полным курсом режущий прямо к берегу.

Сначала ему показалось, что судно собирается развернуться и пристать к одному из волноломов, что разделяли побережье на сектора-пляжи, но на палубе не наблюдалось никакого движения.

– Спят они, что ли? – пробурчал Жаров, впрочем, уже понимая, что на борту что-то стряслось.

Судя по скорости яхты, она не могла совершить подобного маневра, даже если бы команда выскочила на палубу и начала маневр немедленно. Жаров прикинул место, куда стремился парусник: это был третий от «Интуриста» пляж. Сотня строк в хронику происшествий обеспечена, – рассеянно подумал он, даже и не представляя, какая запутанная, драматическая и страшная история начинается прямо на его глазах.

Теперь уже не имело значения, что Жаров был свободным журналистом: работа сама нашла его – в тот момент, когда он меньше всего этого желал.

* * *

Искупаться Жарову все же пришлось. Яхта села на мель метрах в десяти от берега, несколько курортников уже окружили ее, а какая-то девица даже забралась на борт. Жаров разделся, перепрыгнув упавшие шорты и отшвырнув на ходу футболку с полотенцем. Места аварии он достиг в несколько широких взмахов.

Глубина здесь была выше человеческого роста, яхта, накренившись, возвышалась над Жаровым, а он балансировал на плаву, задрав голову. Рядом барахтался какой-то лысый господин.

– Приплыли, – с мрачным удовлетворением констатировал он. – То ли пьяные все там валяются, то ли... – он замолчал, многозначительно подняв палец и, потеряв от этого плавучесть, стал с поднятым пальцем погружаться. Жаров в который раз в жизни поймал себя на подлой мысли: как профессионалу ему, конечно, хотелось согласиться с тем, чего не договорил лысый господин.

Подтверждение последовало немедленно: миниатюрная фигурка любопытной девушки возникла над перилами. Ее лицо выглядело испуганным. Ни слова ни говоря, девушка

спрыгнула в воду и быстро поплыла к берегу. Жаров устремился за нею, догнал, когда она уже выкарабкивалась из воды, спотыкаясь и шелестя галькой. Он поддержал ее за мокрый локоть.

Девушка обратила к нему свое удивительно красивое, но теперь искаженное недоумением и страхом лицо:

– Там никого нет! – воскликнула она.

Жаров обернулся. Трое курортников, в том числе, и лысый, лезли на борт аварийного судна. Надо было это прекратить.

– Эй, послушайте! – крикнул им Жаров. – Не трогайте там ничего. Это работа милиции.

Двое зевак замерли на палубе, но лысый уже скрылся в рубке. Энергично размахивая руками, девушка поднималась по пляжу. Жаров шел следом, подбирая свои разбросанные вещи. Выудив из кармана шортов мобильный телефон, он на секунду задумался: кому позвонить? Пилипенку, следователя отдела убийств, беспокоить по такому поводу не стоило. Лучше вызвать кого-нибудь другого из системы, например, лейтенанта Клюева. Жаров плюхнулся рядом с девушкой, которая спешно одевалась над своим лежаком, и в двух словах объяснил Клюеву ситуацию. Тот сказал, что прибудет немедленно.

– А вы никуда не уходите, – сказал Жаров девушке, которая уже закинула соломенную сумку на плечо. – Всех свидетелей просят остаться на месте.

Лейтенант Клюев ни о чем таком не просил, но Жаров, не первый год работая с системой, знал, что свидетельницу необходимо задержать. Ничто не мешало суммировать приятное с полезным – она была чудо как хороша: хрупкая и маленькая, словно Дюймовочка, с большими серыми глазами, пушистой копной каштановых волос... Жаров был убежденным холостяком, в том смысле, что жениться собирался исключительно на самой красивой девушке в мире, а эта вполне подходила под такое определение.

Она повела плечиками и присела на лежак. Жаров бросился обратно в воду. Взобраться на борт яхты не составляло труда: с транца свисала платформа для купания.

Едва поднявшись, Жаров понял, как управлялась яхта, и почему ей не был нужен рулевой. На корме торчало нехитрое устройство-флюгер, которое ставило румпель согласно перемене ветра. Лавировать и совершать повороты оверштаг такое приспособление, конечно, не может, а вот идти с попутным ветром – сколько угодно. Именно это и проделала яхта на автопилоте, воткнувшись в конце концов в прибрежную мель.

Жаров обогнул рубку и вышел на бак. Там стояли двое курортников.

– Мы никуда не лезем, – сказал один. – А вот внизу уже есть человек.

Жаров кивнул.

– Так вы из милиции? – спросил другой.

– Да, – будничным голосом соврал журналист, давно привыкший к такой роли, тем более, что из одежды на нем были одни плавки и показывать свое липовое удостоверение, которым он иногда пользовался, ему не придется. – Мои коллеги сейчас прибудут, – добавил он.

При беглом осмотре палубы и надстройки Жаров не обнаружил ничего необычного. Он неплохо разбирался в маломерных судах и знал, что может и должно быть на яхте такого класса. Спасательные пояса лежали в рундуке, ими не пользовались. Жаров приподнял крышку форпика, где обычно хранились паруса. Недостающий трисель был там, плотно уложенный: вероятно, его не поднимали с момента выхода яхты в море... Откуда и куда она шла? Ну, это преждевременный вопрос.

Жаров смерил глазами паруса, надутые ветром, бессильно тянувшим яхту вперед. В форпике было гораздо больше места, чем требовалось для того, чтобы уложить их. Что-то еще могло быть в этом отсеке...

Лысый господин тем временем неуклюже выкарабкивался в кокпит.

– Там, – сказал он, мелко подергивая пальцем сверху вниз, – на кухне... Как ее?

– На камбузе, – поправил Жаров.

– Вот-вот! На камбузе. Такого не может быть. Посмотрите.

Жаров спустился в рубку, ловко ухватясь обеими руками

за поручни трапа. На полу валялась груда бумаг, поблескивали навигационные инструменты: все это съехало с небольшого штурманского столика при ударе корпуса о грунт. Судовой журнал лежал поверх прочего, Жаров преодолел соблазн заглянуть в него.

Налево был камбуз, направо – галюн. Какой-то шум не давал покоя, некий невысказанный в данных обстоятельствах звук... Он раздавался из камбуза, дверца которого была распахнута, отвалившись из-за общего крена судна.

Лысый был прав: то, что происходило на газовой плите, было совершенно невероятным – газ горел синим махровым цветком, а на решетке, прикрепленный специальными зажимами от качки, во всю кипел кофейник. Металлическая крышечка дребезжала на фоне шороха пара. Это и был тот самый звук, более уместный, скажем, в жилище холостяка, нежели на брошенной яхте.

Жаров, конечно, знал, что трогать здесь ничего нельзя, но все же выключил плиту: пока наряд приедет, вода в кофейнике выкипит и вообще может начаться пожар.

Сразу вспомнилась «Мария Целеста», которую обнаружили в Атлантике где-то в девятнадцатом веке. Там вроде бы также кипел на плите кофейник, а экипаж парусника просто исчез.

Жаров двинулся дальше. Через незадраенную дверь открывалась просторная каюта, отделанная красным деревом. Она заканчивалась платяным шкафом, который имел общую

стенку с форпиком. На этом расположение яхты исчерпывалось. Небольшая, метров десяти в длину крейсерская яхта. На ней можно свершить кругосветное путешествие, будь здесь навигационное оборудование. Но такового не наблюдалось и судно могло безопасно идти лишь в виду берега или, скажем, срезать угол от Одессы до мыса Тарханкут, а далее двигаться уже Крымским побережьем. Судя по надписи на корме, яхта «Леокадия» была приписана к порту Одесса и, скорее всего, пришла именно оттуда. О том, что плавание было недолгим, Жаров понял по состоянию запасов еды на камбузе. В небольшом холодильнике, питавшимся от аккумуляторной батареи, лежало несколько контейнеров с готовыми обедами для яхтсменов, годных, чтобы их быстро разогреть на плите, надрезанная пачка масла, пакет молока и треугольный брусок сыра. Никто не собирался отправляться на «Леокадии» в какое-то дальнее плавание.

* * *

Лейтенант Ключев привез с собой оперативника. Жаров коротко поведал о своих впечатлениях от осмотра борта.

– Свяжись с вертолетной площадкой, – сказал он Ключеву. – Меня они вряд ли послушают.

Лейтенант кивнул и достал мобильник...

Все любопытные, побывавшие на борту яхты, были переписаны и отпущены: возможно, понадобятся их показания.

Яхту решили доставить в грузовой порт и тщательно осмотреть уже там. Ни Клюев, ни оперативник не горели желанием лезть в воду. В ожидании буксира все трое сидели на пляже.

– Здесь определенно пахнет убийством, – мрачно заметил лейтенант Клюев.

– Если вертолетчики не найдут спасшихся... – сказал Жаров.

Вертолет уже был слышен. Вскоре он пролетел довольно низко над пляжем: дрожащая тень скользнула по гальке, раздвоилась, нырнув под волну, через долю секунды полоснула яхту «Леокадию», будто накрыв ее черным крылом. Задача, поставленная по телефону пилоту, была на несколько минут: осмотреть зеркало воды квадратом с десятков километров.

– Пилипенко решил подключиться, – сказал Клюев. – Знаменитая интуиция следователя подсказывает ему, что все это не ограничится утопленником, случайно упавшим за борт.

Помолчали. Вертолет сделал круг и вернулся. У Клюева заверещал мобильник. Звонил пилот: зона поиска оказалась совершенно чистой – никаких утопающих или предметов, принадлежавших яхте.

– Если было убийство, то должен был быть убийца, – проговорил Жаров и тут же вспомнил одну деталь на борту.

Обычно отсеки загружают полностью, на маломерных судах практически не может быть какого-то ненужного свободного места.

– Форпик яхты занят наполовину, – сказал Жаров. – Возможно, там хранилась надувная лодка. На ней либо команда покинула судно, либо мифический убийца. Команда такой яхты могла состоять и из одного человека, которого сбросили за борт.

– А зачем команде покидать судно? – спросил Ключев.

– А что такое форпик? – подал голос оперативник.

– Форпик – это носовой отсек, – сказал Жаров. – Обычно там держат сложенные паруса. А вот на твой риторический вопрос, – повернулся он к лейтенанту, – зачем команда порой покидает судно, да еще бросает свои недокурные трубки или кипящие чайники, человечество не знает ответа уже несколько столетий.

За левым волноломом показался буксир спасателей, косо идущий к берегу. Тут же на пляже возникла Анюта, корреспондент городской газеты, конкурирующей с «Криминальным курьером» по двум-трем рубрикам. Анюту вызвал сам Жаров, подарив ей легкую сенсацию о крушении с условием, что она перешлет ему фотографии с места события. Журналаюга тут же принялась снимать, а Жаров побрел восвояси.

Вернувшись в редакцию, он расположился за компьютером и набил несколько слов по горячим следам. Посмотрел в интернете инфо о бригадине «Мария Целеста» (Селеста, Челеста) и был удивлен тем, что судно, прежде, чем с ним произошла знаменитая история с исчезновением команды, довольно долго пользовалось дурной славой из-за

неудач. Первый капитан погиб. Несколько раз «Целеста» меняла владельца. В 1869 году, попав в шторм у берегов Новой Шотландии, она была выброшена на берег, точно, как «Леокадия». Жаров подумал, что история, фрагмент которой он наблюдал утром, может быть гораздо глубже... Впрочем, никакого кипящего чайника на «Целесте» не было – обнаружили лишь трубки матросов, и вовсе не дымящиеся, как полагал Жаров, а просто сложенные «в надлежащем месте в кубрике». Это как раз и показалось странным тем, кто нашел покинутую бригантину: ведь мореманы ни при каких обстоятельствах не расставались со своими трубками. Чайник все же был, но кипел на камбузе другого судна – «Морской птицы», что выбросило на американский берег в середине девятнадцатого века. Там же, между прочим, обнаружили если и не трубки, то крепкий запах табака, что стоял в кают-компании. И больше никаких следов экипажа.

Жаров с трепетом погрузился в историю морских загадок и уже через час набросал план статьи, которую смело можно сделать передовицей ближайшего номера – напомнить читателям известные истории прошлого, а в центр поставить сегодняшнее происшествие, плюс хорошие фото, которые расторопная Анюта уже прислала из своей редакции: «Леокадия» стоит, покосившись, над пляжем, «Леокадию» снимает с мели буксир, он же тянет «Леокадию» на тросе прочь. Как журналист, главный редактор и хозяин газеты Жаров опасался лишь одного: что если пресловутая тайна одесской яхты

раскроется прежде, чем номер уйдет в печать?

Следователь Пилипенко будто бы услышал мысль своего друга: позвонил, едва она пришла Жарову в голову.

– Не хочешь прогуляться до грузового порта?

– Ты что же – поручаешь это мне? – спросил Жаров.

– Нет. Я тоже приму участие.

– Уже найден труп?

– Нет, – вздохнул Пилипенко. – Но мне очень не нравится эта история. Давай-ка пока так, не светясь. Просто двое любознательных одноклассников в штатском решили осмотреть эту удивительную яхту.

* * *

Пилипенко попросил Жарова взять его старый «Пежо», чтобы не смущать портовых рабочих милицейским «Жигуленком». Жаров увидел яхту, пришвартованную к концу мола, еще когда вел машину мимо гостиницы «Ялта». Пропуск, висевший на ветровом стекле, открывал ему многие места города, в том числе – и Массандровский грузовой порт. Жаров проехал прямо по молу, остановив машину напротив яхты, которую спасатели только что пришвартовали, замотав два каната за кнехты. Вокруг гудело и гремело нормальными для порта жестяными переборами. «Леокадия», теперь стоящая прямо, выглядела грациозно и стильно, на ее белых бортах колыхались отраженные солнечные блики.

– Владелец такой яхты – кто может быть? – спросил Пилипенко, будто обращаясь к самому себе. – Если не какая-нибудь звезда, то наверняка бизнесмен. В любом случае – состоятельный человек. А там, где деньги, всегда можно ожидать преступления.

Пилипенко не столь хорошо разбирался в морском деле, как Жаров. Друзья поднялись на борт, и журналист продемонстрировал следователю форпик яхты, приподняв крышку люка.

– Если здесь и хранилась надувная лодка, – сказал Пилипенко, пошарив внутри отсека, – то у нее был мотор.

Он достал платок и тщательно вытер перепачканные маслом пальцы.

Спустились по короткому трапу вниз. Темные, круглые, как у Джона Леннона, очки следователя вмиг посветлели, открыв его внимательные глаза.

– Где твой кофейник? – первым делом спросил он.

Жаров приоткрыл дверь камбуза и указал ладонью на плитку. Пилипенко осмотрел кофейник, не трогая его, затем повертел винтами крепления.

– Сколько времени прошло от момента, как яхту прибило к берегу, до того, как ты влез на борт? – спросил он.

– От силы минут десять, – сказал Жаров.

– Плитку ты выключил сразу?

– Минуты через две, когда спустился на камбуз.

– Ладно. Будем считать, что двенадцать.

Следователь вышел из камбуза и тотчас вернулся, держа в руках штурманскую параллельную линейку и судовой журнал.

– Возьми-ка, почитай пока, – сказал он Жарову, протягивая журнал, а сам склонился над плитой, щелкнув пластмассовой линейкой.

Жаров раскрыл журнал, искоса поглядывая на следователя, который меж тем бесцеремонно погрузил линейку в кофейник. Широкая даже в сложенном положении, она едва пролезла через горлышко.

Жаров склонился над журналом. Судя по записям на первой странице, яхта действительно вышла из Одессы три дня назад. Экипаж и вправду состоял из одного человека, он значился владельцем и капитаном судна – некто Шурупов Сергей Александрович.

Журнал – обязательный навигационный документ. Он служит для фиксации всего, что касается судна и его экипажа во время плавания, состоит из стандартных, напечатанных типографским способом таблиц. Журнал положено вести непрерывно с момента прибытия экипажа на борт и до окончания плавания. В случае гибели судна капитан должен принять меры к сохранению журнала.

Левая страница на каждом развороте отражает данные о курсе, ветре и так далее. На правой записываются происшедшие события, а если таковых нет, то ставят во всю таблицу карандашный «зет». Иные вахтенные любят вести на этих

правых страницах и чисто личные записи, часто довольно скучные, интересные только для самих этих любителей.

Владелец «Леокадии», похоже, как раз и был таким любителем: в первый день он уныло жаловался на хандру, коей способствовали мрачные тучи над горизонтом и так далее. На второй день вдруг заявил, что ему и вовсе порой не хочется жить, и от тоски своей некуда уйти, и даже на собственной яхте по вольному ветру не уплыть и тому подобное...

«Хотя, конечно же, я не от какой-то там тоски бегу, а от вполне конкретного, от того, что преследует меня, что наехало со всех сторон...»

Интересно, что такое могло «наехать» на успешного бизнесмена Шурупова? Или не успешного? Да и бизнесмена ли? Кто он такой, вообще? Они с Пилипенкой заочно решили, что владелец яхты – одесский бизнесмен. Может и так. На бизнесмена могли наехать какие-нибудь кредиторы. Со всех сторон? Еще всяческие неприятности, например, известие о неизлечимой болезни. Или какая-нибудь любовница угрожает разоблачить его перед женой, что также обычное дело... Разве этого достаточно, чтобы поставить яхту на автопилот и сигануть за борт? Да и пропавшую лодку надо как-то объяснить.

Следователь тем временем сидел на рундуке и размышлял, постукивая линейкой по колену.

– Тридцать четыре миллиметра, – сказал он, наконец. – Давай-ка проведем эксперимент. Допустим, кофейник был

изначально полон.

Он снял с кофейника крышку и налил воду из крана в перевернутой бутылки над камбузным столом. Водрузил кофейник на плиту и защелкнул зажимом от качки.

– Я, между прочим, бросаю курить, если ты помнишь, – сказал он Жарову.

– У меня, конечно, есть зажигалка, – ответил тот, – но хочу заметить, что она здесь и не нужна. Такая походная плита включается автоматически, от искры. Кнопочку нажми, – закончил Жаров, качнув пальцем.

Следователь утопил маленькую красную кнопку сбоку плиты. Раздался тихий треск и газовый цветок распустился.

– Теперь подождем, – сказал Пилипенко. – Времени хватит, чтобы не спеша осмотреть всю эту посудину.

– Сначала я закончу с журналом, – сказал Жаров, перевернул страницу и вдруг почувствовал, как его собственные брови ползут наверх.

На последнем развороте с левой стороны значились обычные цифры. С правой размашистым торопливым почерком было начертано следующее:

«Оно здесь оно повсюду оно пожирает меня».

Жаров перевернул журнал и молча показал разворот другу. Пилипенко смерил взглядом страницу и настороженно повел глазами туда-сюда.

– По хорошему, надо бы вызвать каких-нибудь специалистов, биологов, что ли... – пробормотал он, продолжая при-

стально осматривать внутренность яхты.

– Вряд ли это «оно» – какое-то животное, – возразил Жаров. – Животное не может быть «повсюду».

– Возможно, – сказал Пилипенко. – Но если мы до сих пор целы, предлагаю продолжить осмотр.

Теперь мотивировка Жарова изменилась: он приглядывался к окружающим предметам с новой точки зрения, ожидая увидеть свернувшееся где-нибудь щупальце или гигантскую паучью ногу.

– Никаких следов борьбы, – констатировал следователь. – Правда, одежда вывалена из платяного шкафа и вряд ли это можно объяснить толчком при посадке яхты на мель. Ощущение такое, что в шкафу что-то спешно искали. Дай-ка мне глянуть, – попросил он, протягивая руку за журналом.

Повертев его, Пилипенко провел пальцем по сгибу разворота и проговорил задумчиво:

– А ведь одна страница вырвана. Предпоследняя. Это может ровным счетом ничего не значить, конечно. Но запомнить стоит.

* * *

Вода в кофейнике закипела через четыре минуты. Еще тридцать пять потребовалось, чтобы она выкипела до того уровня, на котором застал ее Жаров, когда увидел кипящий кофейник на борту. За это время друзья успели осмотреть

каждый дюйм «Леокадии» и не нашли больше ничего подзрительного.

– Итак, кофейник был поставлен на плиту, а огонь зажжен за тридцать девять минут до того, как ты его погасил, – сказал следователь. – Отнимаем двенадцать, получаем двадцать пять. Что ж, теперь самое время прокладывать курс.

Пилипенко бросил лоцию на штурманский столик и плашмя шлепнул на нее линейку. Указал жестом ладони:

– Прошу!

Жаров сел на деревянную скамью и раскрыл лоцию.

– Будем считать, что кофейник был полным, – пробурчал он. – Что, конечно, не факт.

– Не факт, – невозмутимо согласился Пилипенко. – Но мы исходим из максимума, в который неизбежно включается минимум.

Жаров видел, что яхта шла точно перпендикулярно берегу. Ее скорость на глаз была узлов пять-шесть. Вскоре стало ясно, что самое большее расстояние, которое она миновала после того, как кофейник поставили на плиту, не могло превышать четырех-пяти километров.

– Вертолетчики прочесали гораздо больший квадрат, – заметил Жаров.

Пилипенко нагнулся, подобрал с пола что-то блестящее и аккуратно возложил на стол. Это был циркуль.

– Какова может быть скорость надувной лодки с мотором? – спросил он.

– Самое большое – километров тридцать в час. Зависит от мощности мотора. Но не думаю, что в качестве спасательного средства на яхте будет слишком уж быстроходная лодка. Скорее – не более двадцати.

– Значит так, – сказал следователь, потирая лоб. – Простая задачка по алгебре. Есть время – полчаса или меньше. Есть скорость – двадцать километров в час. Есть циркуль и карта.

Говоря все это, Пилипенко склонился над картой, осторожно провернув циркулем круг над синевой. Его очки-хамелеоны теперь лежали на штурманском столе, поймав солнечный луч из иллюминатора, отчего стекла стали почти черными.

– Готово! – наконец сообщил он. – Моторная лодка не могла отправиться ни в открытое море, ни вдоль берега. Ее бы взяли пограничники – как при попытке выйти в нейтральные воды, так и продвинуться дальше Фороса на запад или Медведя на восток, где стоят радары. Итак, лодка, по всей вероятности, шла под углом к берегу от точки спуска на воду. Следовательно, она причалила где-то на отрезке от Симеиза до Никиты, гораздо раньше того момента, как сама яхта села на мель.

– Опять вертолет?

– Нет, не годится. Тогда речь шла о возможном спасении людей, а теперь – вообще, непонятно о чем. Сядем на катер и совершим легкую морскую прогулку.

Спасателей пришлось тормошить: они уже считали, что с буксировкой яхты их рабочий день закончен. Бесхозная надувная лодка – довольно-таки дорогая модель из пятислойного пластика, оснащенная маленьким, но мощным мотором – нашлась в одной из крайних точек, вычисленных теоретически, а именно: за мысом Мартьян в Никите.

– Для проформы, конечно, нужно сравнить образцы масла с лодки и яхты, но на девяносто девять процентов – это и есть та самая лодка, – сказал Пилипенко.

Жаров кивнул.

– Вот и закончилась мистика, – ехидно добавил следователь. – Никакой тайны «Марии Целесты» нет. Ясно, что мы имеем дело с каким-то преступлением. Правда, все члены системы уравнений не известны. Даже жертва.

– Почему же все? А сыщик? Любая детективная система состоит из пяти элементов: преступник, преступление, жертва, мотив и сыщик. Ты, по крайней мере, уже в наличии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.